

А. А. ПОЛИВАНОВ

№ 259
137

ИЗ ДНЕВНИКОВ
И ВОСПОМИНАНИЙ
ПО ДОЛЖНОСТИ
ВОЕННОГО МИНИСТРА
И ЕГО ПОМОЩНИКА

1907—1916 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ЗАЙОНЧКОВСКОГО
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
МИХ. ПАВЛОВИЧА

ТОМ
I

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА—1924

ГЛАВА III.

К первой годовщине войны.

Я упоминал уже, что в первом под моим председательством заседании Особого Совещания по обороне, имевшем место 20 июня, было постановлено просить заключения начальника штаба верховного главнокомандующего не представляется ли деятельность особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, состоящей под председательством великого князя Сергея Михайловича, и учрежденной по представлению верховного главнокомандующего, ныне уже излишней.

Постановление это не могло остаться неизвестным великому князю, и он приехал ко мне вечером на дачу в Старом Петергофе, чтобы выяснить мой взгляд на его дальнейшее служебное положение.

Я высказал ему, что сохранение деятельности его комиссии, при наличии прав и обязанностей особого совещания, невозможно, но, что его опыт и знания в артиллерийском деле могли бы принести пользу в направлении фактической на местах проверки артиллерийского снабжения действующей армии¹⁾, что не противоречит и положению о генерал-инспекторе артиллерии (прик. по в. в. 1910 г. № 664), но требует, конечно, согласия на то верховного главнокомандующего. Поэтому я советовал ему, не теряя времени, испросить для себя разрешения приехать в ставку и там выяснить этот вопрос.

Тот же мой взгляд я сообщил и в письме начальнику штаба верховного главнокомандующего, от которого получил ответ:

„Письмо ваше доложил великому князю. Верховный признал необходимым дать совет великому князю Сергею Михайловичу принять решение по вашему совету.—Я уже доложил великому князю Сергею Михайловичу, что вы в письме

¹⁾ При создавшейся обстановке дальнейшее пребывание великого князя Сергея Михайловича в Петрограде было бы неудобно.

подняли вопрос о трудности совместить работу двух совещаний и о необходимости закрыть совещание великого князя Сергея Михайловича, что вполне одобряется верховным.

Сейчас самый больной вопрос винтовки, офицеры. Со всех сторон доносы, что их (т.е. офицеров) тысячи в тылу, гуляющих и говорящих: „мы свое сделали, очередь за другими“.

Будьте милостивы ускорить переосвидетельствование всех уклонившихся (нижних чинов) с 20 июля 1914 года. Их много, 100—250 тысяч. Они тоже вызывают жалобы.

Великий князь Сергей Михайлович уезжает с намерением установить живую, личную, связь Петрограда с фронтами и ставкой по части артиллерии⁴.

По возвращении своем из ставки, великий князь Сергей Михайлович опять посетил меня вечером на даче и говорил, что полученные им там указания относительно его дальнейшей деятельности не были вполне определены.

По мере занятия неприятелем наших областей, местное население с остатками имущества на подводах, со скотом, начинало отходить от границ в соседние губернии и их стихийно заполняло. Совет министров постановил поручить министерству внутренних дел внести в это явление порядок и кн. Щербатов пригласил некоторых министров, в том числе и меня, приехать к нему утром на занимаемую им на Аптекарском острове казенную дачу (рядом с тем местом, на котором находилась дача министра внутренних дел, уничтоженная взрывом при Столыпине), чтобы обсудить главнейшие в этом направлении меры. В основу соответствующего законопроекта решили положить учреждение двух управлений главноуполномоченных, одного в тылу северо-западного фронта, другого в тылу юго-западного фронта.

28 июня, в воскресенье, государь возвратился из ставки в Царское Село.

30 июня, во вторник, состоялся мой первый личный доклад в Царском Селе. Он был первым в должности управляющего военным министерством, но в 1907—12 г.г., занимая должность помощника военного министра, я был много раз с личным докладом, замещая военных министров Редигера и Сухомлинова, во время их отсутствия, и потому все „обряды“, связанные с личными докладами, мне были хорошо известны.

Прибывший к назначенному часу с докладом министр встречался „скороходом“ и вводился в приемную комнату перед кабинетом, где ожидал появления из двойных дверей кабинета дежурного камердинера с фразой: „его величество вас просит“.

В правом углу приемной стояло знамя сводного полка дворцовой охраны, посредине комнаты—длинный стол с аль-

вдова его, посетившая в качестве сестры милосердия наших военно-пленных в Пруссии, нашла, при помощи германских военных властей, его могилу, вблизи поля сражения, и перевезла затем гроб его в Россию.

На этой же неудаче проявилось с очевидностью то, что я приводил выше об отсутствии у нас всякого внимания к столь важному делу, как подготовке вождей к управлению на войне большими массами войск. Ген. Самсонов умный, честный и спокойного характера человек во время русско-японской войны командовал сибирской каз. дивизией и имел с нею несколько небольших успехов; в 1905—7 г.г. он был начальником штаба варшавского округа и в этом периоде, конечно, мог войти в курс оперативных соображений, долженствовавших обнимать собой и вероятные действия наши в Восточной Пруссии, но с 1907 года он занимал должности военно-административные, а именно с 1907 до 1909 г.—войскового наказного атамана Войска Донского, а с 1909 г.—туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками туркестанского округа, причем обе эти должности отвлекали его внимание, главным образом, в сторону вопросов гражданского характера.

После объявления войны, его, отставшего за 7 лет от работ оперативного характера, на случай войны в Германии, не имевшего практики в управлении даже корпусом, вызывают из Туркестана, дают ему армию из пяти неизвестных ему корпусов, с неизвестным ему штабом и торопят наступлением в Восточную Пруссию, оборона которой давно и методично изучалась прусскими генералами, и на обдуманно проводимых маневрах и на военной игре и постепенно совершенствовалась, путем усиления ее техническими способами.

В результате, если идея наступления, данная главнокомандующим, уже отвечала той комбинации, к которой германцы особенно основательно подготовились и которую они находили потому для себя особенно желательной, то исполнение ее в том виде, как это было предпринято ген. Самсоновым, превзошло вероятно все их расчеты на неподготовленность русского командования.

Вслед за этой первой нашей неудачей, постигшей одну из армий, попытавшихся вторгнуться в Пруссию, последовали неудачи и другой армии, находившейся под начальством ген.-ад. Ренненкампа и начавшей военные действия оттеснением первоначально передовых войск неприятеля довольно далеко вглубь его страны.

Если Самсонов не имел практики в командовании крупными войсковыми частями и в последние годы перед войной был отвлечен от задач европейской войны в сторону забот о благоустройстве азиатской окраины, то ген.-ад. Реннен-

камф, имя которого, как энергичного генерала, выдвинула борьба с плохо вооруженными китайскими войсками в 1900—1901 г.г. и совершенно не выдвинула война 1904—5 г.г. с превосходной японской армией, в течение года командовал корпусом в Сибири, затем в течение 6—7 лет командовал корпусом, расположенным на германской границе, и, наконец, за два года до войны получил в командование войска виленского округа, сделавшись, таким образом, законным кандидатом на командование армией в случае войны с Германией, и притом армией, составленной из войск его же округа, т.е. ему хорошо известных по их составу. Следовательно, в данном случае были, повидимому, соблюдены многие условия для надлежащей подготовки лица, поставленного во главе армии. Но среди этих многих условий, к несчастью, не было одного военного дарования, необходимого полководцу, и это было заранее столь очевидно, что даже Сухомлинов, при всем его придворном оппортунизме, относился отрицательно к пожеланиям сверху дать дальнейшее продвижение по службе командиру 3 армейского корпуса „энергичному“ Ренненкампу. Назначение его командующим войсками виленского округа состоялось не устным распоряжением, а посредством присылки военному министру записки из поезда, на котором удалялись из Петербурга. Такой способ заочных распоряжений практиковался вообще в тех случаях, когда желали избежать повторения возражений, казавшихся скучными. Легенда об „энергии“ Ренненкампа поддерживалась не столько быстрой погоней за китайцами в 1900—01 г.г., сколько усиленным продвижением карательного отряда, который, следуя в 1905 г. на особом поезде под начальством Ренненкампа, восстановил сообщение армии Линевича с Сибирью, поборов революционное движение вдоль Манчжурской ж. д., в то время, как другой отряд, под начальством бар. Меллера-Закомельского, исполнял ту же задачу, двигаясь из России на поезде навстречу Ренненкампу. Но может быть более всего „в сферах“ производила впечатление „энергии“ самая фигура ген. Ренненкампа с его великолепной военной выправкой, быстрыми движениями и короткими отрывочными ответами.

Тем не менее по поводу неудачи его армии и личной его при этих неудачах растерянности было назначено еще весной, особое расследование, возложенное на генерал-адъютанта Баранова. Сам же ген. Ренненкамф был распоряжением верховного главнокомандующего устранен от командования.

Я не был еще ознакомлен с результатами этого расследования, как уже убедился, что к ген. Ренненкампу существует другое отношение нежели к ген. Самсонову. Кн. Орлов писал мне из ставки (в бытность еще там государя): „Мне кажется, что

отчет ген.-ад. Баранова относительно ген.-ад. Ренненкампа, не очень удачно составлен, то-есть немного легкомысленно и кроме того, в нем чувствуется как бы рука Сухомлинова, который во что бы то ни стало хотел его потопить; по крайней мере на меня и на Дрентельна этот отчет производит впечатление, что у Баранова сложилось недостаточно ясное понятие о деле⁴.

Посетил меня и сам ген.-ад. Ренненкамф с вопросом о возможности его реабилитации, на что я мог ответить, что предоставление ему вновь командования зависит, конечно, от ставки, но мое личное мнение таково, что доверие к нему войск и общества потеряно. Такой мой ответ основывался не только на известиях, появившихся уже в печати, но и на подробной по поводу действий Ренненкампа беседе, которую я имел с главнокомандующим северо-западным фронтом ген.-ад. Рузским еще в декабре 1914 года.

Вслед за сим я получил уже из „сфер“ большой снаряд в виде письма от графа Фредерикса с приложением отчета ген.-ад. Баранова и с просьбой сообщить мое заключение о дальнейшем направлении службы ген.-ад. Ренненкампа.

Ответ мой был таков:

„Генерал-адъютант фон-Ренненкамф обладает большой энергией, при крайне ограниченных военных дарованиях и при отсутствии хорошего нравственного воспитания.

Качества эти появлялись в нем все с большей очевидностью по мере расширения на служебном поприще его прав и обязанностей.

Прекрасный младший офицер кавалерийской части, в должности командира полка он навлекает уже на себя тень неправильных отношений к полку и к полковому хозяйству.

Во время русско-китайской экспедиции 1900 года его личная энергия и выносливость, при отсутствии серьезного противника, давала ему возможность совершать с отрядом быстрые передвижения и занимать почти без выстрела китайские города, донося с преувеличением о своих военных успехах.

В течение русско-японской войны он командовал отрядом из трех родов оружия, обыкновенно на флангах боевого расположения армии, и действия его, на сей раз против стойкого врага, по бесцветности своей и безрезультатности, не выдвинули его в число заметных по удаче и искусству вождей, а тень неправильных отношений к казенному интересу сгустилась над ним еще больше.

Во время смуты, последовавшей за войной, имя генерала Ренненкампа пришлось связать с энергичным командованием боевым поездом, пробившим среди мятежного края путь из Манджурии в Сибирь навстречу такому же поезду под началь-

ством генерала барона Меллер-Закомельского в Сибирь из Европейской России.

Наступившая отечественная война вывела генерал-адъютанта фон-Ренненкампа на широкую деятельность командующего армией, и в первое время великолепная гвардейская кавалерия, которую он расходовал без соответствия с величикою задачи, а также превосходство в силах над оборонявшимся противником дали ему возможность широко рекламировать свою личную энергию и продвижение армии вперед.

Но тотчас же, как только неприятель усилился и стал маневрировать, военная ограниченность командующего армией сказала во всей силе, превратилась в растерянность, а растерянность уже в панику, и по России в августе разнеслась молва: „Ренненкамф бросил армию и бежал“.

В такой же обстановке и с еще худшими последствиями для войск сложились его личная растерянность и паника в ноябрьские дни.

Войска видели и чувствовали на себе бестолковость управления военачальника, а его оставление армии в критические минуты и приближенность к нему дельцов из евреев создали вокруг него тяжкие легенды.

Появление генерал-адъютанта фон-Ренненкампа среди действующей армии, после создавшейся там около его имени молвы и при настоящих тяжелых условиях войны, почитаю совершенно невозможным.

Ему, по мнению моему, надо ожидать окончания войны и тогда выступить с защитой себя против этой молвы и против той, основанной на документах критики, которая возникнет впоследствии по поводу его действий, как командовавшего армией¹⁾.

По поводу этого письма никто со мной впоследствии не говорил, и ген.-ад. Ренненкамф в армию не возвратился.

На состоявшемся 10 июля в Маринском Дворце заседании Совета Министров, говоря об общих вопросах, признали необходимым испросить помилование возвращающемуся в Россию эмигранту Бурцеву.

На очередном личном докладе в субботу 11 июля отклонено ходатайство отставленного от командования корпусом и уволенного в отставку генерала от инфантерии Епанчина о предоставлении ему вновь должности в армии. Как офицер Генерального Штаба, в молодые годы Епанчин имел очень хорошую репутацию, принадлежа к группе тех офицеров, которые крепко держались службы именно в Петербургском военном округе и были, так сказать, на гвардейском счету. Затем он был директором Пажеского корпуса, после этого

¹⁾ От 11 июля 1915 г. № 1623. Ред.